

Вроде так не бывает,
Чтобы какой-то цвет называли
Цветом печали...
На горы, поросшие криптомериями,
Опустился осенний вечер.

*Дзякурэн-хоси,
японский монах и поэт*

— Как вам удобно рассчитаться?

Молодой человек, не отрывая взора от поверхности стола, опустил руку в карман висящего на спинке стула пальто. На секунду он замер, представив, как вытащит слегка смятые купюры на свет и протянет их официантке.

— Что это? — та в свою очередь вынуждена будет, испугавшись, отпрянуть.

— Мне кажется, вы всё же неплохой человек, — отвечает после некоторой паузы он.

— Спасибо...

— Зачем вы улыбаетесь?

— Простите?

— Даже тем, кто этого не заслуживает.

— Я вас не совсем понимаю.

— Мне. Вы абсолютно правы! Конечно, как и всегда, я имею в виду себя и никого другого.

— Спасибо, но не могу взять, здесь слишком много.

— Возьмите, пожалуйста, не опешьте этот и без того пошлый момент. Здесь не так уж и много, вряд ли хватит, чтобы изменить жизнь. Мне они больше ни к чему, а вам пригодятся, — настоял бы он, небрежно кинув деньги на столик. Голос его при этом звучал бы сжато и неестественно. — И ничего, ровным счётом ничего я не хочу этим сказать.

Затем он накинёт драповое пальто незамысловатого кроя, расправит воротник и уже соберётся выходить в пасмурный полумрак тверского утра, как вдруг (неожиданно даже для себя самого) совершит рывок, крепко схватив и без того озадаченную девушку за худощавое предплечье, и процедит сквозь зубы:

— Я лишь хочу задать вопрос, не обижайтесь, но как вам удаётся не ненавидеть себя? Как удаётся жить и не презирать каждую частичку себя?

— Отпустите, — единственное, что сумеет пролепетать она.

— Поймите, мне бы сейчас эта информация очень пригодилась.

— Уходите. — Девушка вырвалась и, не прекращая любезно улыбаться, попятилась к прилавку.

— С вашего позволения. — Он, сам испугавшись своего поступка, немедленно шагнул к выходу, для чего-то пародируя её улыбку. — Вы даже не представляете, во что ввязались.

Так они, не отрываясь, смотрели друг на друга, делая по одному шажку, пока их не разделила колонна с зеркалами: он увидел вдруг свою рожу, и улыбка сползла на нет; она увидела себя, и улыбка сползла.

Вот уж хлопнула дверь, звякнул китайский колокольчик учтиво, а она ещё пару минут потрясывалась в некоторой нерешительности — одна в пустом средней паршивости кафе. Посетители редко бывали в такую рань. Деньги, небрежно разбросанные на столе, она, конечно, не возьмёт: он ведь может в любой момент вернуться, а она будет всё так же беззащитна. Оцепенение сменилось слабостью, голова повисла в бессилии, и ноги подкосились; ей бы немного, хоть самую малость, побыть в тишине, а не давиться истошным воплем города, но люди ведь уже чистят зубы, разбивают о стену будильники, одеваются, проклиная неудобные штанины, колготы и первые выпуски новостей, чтобы через полчаса уже всюду шаркать по улицам, переходить пешеходные переходы, пересекать реки. Они жить не могут без крепкого кофе, топчутся в очереди за место под солнцем, которое не греет, а она даже заплакать не состоянии: проматывает в голове последние четыре лицемерных года жизни и последнюю каплю взгляда безумца в её и без того переполненную бочку неудачных попыток приспособиться. Проникающий в голову скрежет метро (которого нет). Синяк на руке останется, больно... сегодня же она уволится... нет, просто уйдёт и не вернётся никогда в это паршивое заведение. Теперь уж поздно откладывать на потом... нужно собрать вещи, переодеться... или так бежать, прямо в дурацком джинсовом комбинезоне? А дверь за собой закрывать? Оставить записку или облить здесь всё бензином, чиркнуть спичкой, а затем, скользнув ягодичей по капоту, прыгнуть в свой «Корвет» пятьдесят восьмого года с откидной крышей (которого тоже нет) и умчаться навсегда в бескрайнюю пустыню... на на-на-на на-на-на — из радио. К чёрту

всё, в конце концов, так и подохнуть можно в ожидании случая, нет больше удачи, есть только собственная воля, и ей здесь не место: пустые профили тащатся за сигаретами в круглосуточные супермаркеты, чтобы покурить, прежде чем забиться в общественный, чтобы успеть попить горячего, чтобы потом пойти и сесть на... нет, раздеваться немислимо, надо быть готовой: он может вернуться, или даже не один — бежать... пошло оно все к чёрту... себя не ненавижу? Да откуда ты взял это?

Так и колебалась она, будто гаолян на ветру, пока следующий посетитель не показался на пороге. Девушка вздрогнула от испуга, но быстро взяла себя в руки и направилась к столу, даже не пытаясь выдать из себя улыбку. Сейчас быстренько от него отделается и уже после...

— Доброе утро, — поприветствовал мужчина преклонного возраста и уставился на неё в ожидании какой-нибудь реакции.

Что угодно, только вот не...

— Доброе утро... — ответила она.

— Никого?

Девушка покачала головой отрицательно.

— Хорошо, значит, успел вовремя! Будьте любезны, милочка, чашечку одну капучино без пенки. Сегодня у нас какой день? Понедельник? А знаете, давайте ещё и без молока, — широким жестом старик трясущейся рукой отодвинул стул и уселся за столик.

— Может, вам ещё и без кружки?

— Нет, кружку, пожалуй, принесите.

— Что-нибудь к кофе?

— Свежая выпечка у вас есть?

— Все вчерашнее.

— Пойдёт! Тогда можно мне круассан попышнее...
Надя, — добавил он, жеманно сощурившись, прочитанное на бирюзовом бейджике имя.

— Я посмотрю... — ответила та, звеня комом в горле, её внимание на мгновение заняла элегантная трость с массивной позолоченной (вдруг золотой?) рукоятью в форме рыбы.

На обратном пути Надя сделала небольшую петлю к столу в углу, где ещё час назад мирно сидел, уткнувшись в рукав, странный парень, самый обычный, внешности которого она почти не запомнила... кажется, с виду — произвольное число от двадцати до тридцати, свитер болотного цвета и взгляд — отрешённый.

— И не могли бы принести вазу, для моего букета?

На букет Надя внимания не обратила.

Старик показательно выгнулся из-за своего столика, чтобы проводить взглядом Надину фигуру. Деньги она взяла, кривя душой, пересчитает их потом, но сразу видно: значительная часть купюр по пятьсот и даже по сто, а значит, пачка лишь выглядит внушительно. Действительно, не так уж и много. Она бы в сто раз больше отдала, лишь бы всего этого не случилось. Но кто её будет спрашивать, а так хоть компенсация небольшая за моральный, так сказать, ущерб. Надя достала из холодильника вчерашний круассан с ванильным кремом и положила его в не идеально чистую микроволновку. Куда тут нажимать? Столько раз делала это на автомате, а теперь будто из головы вывалилось. С третьей попытки получилось. Таймер отсчитывает назад. По-хорошему, надо избавиться от денег как можно скорее... да, она обязательно избавится.

Но что в таком случае делать дальше? Нужно ли вообще что-то делать? Или просто притворяться, будто ничего

не случилось? Не самый худший план. Вот снова это обманчивое чувство несправедливости и выжигающего внутренности стыда: можно ли было избежать этой ситуации? Вдруг она сама что-то не так сделала, как-то не так посмотрела? В конце концов, неужели она ничему не учится? Может, и правда спасибо ещё нужно сказать, что не убил, не покалечил? Дура, соберись — ударила себя по щекам. Рука горит в том месте, где он схватил. Чёрт. Сидел же нормально, что могло его спровоцировать? Думай, думай, думай! А вдруг снаружи ждёт?..

Не ждёт. По улочкам идёт, посвистывает.

888

Молодой же человек в это самое мгновение и впрямь не поджидал Надю, шёл, бережно придерживая небольшую шляпу и восстанавливая в памяти последние четыре часа своей жизни. Он бездарно пролежал их лицом на деревянном столике подле окна, за которым беззаботно покачивалось из стороны в сторону туманное море, и во что всё вылилось? Неужели он сделал это по-настоящему? Нехорошая сцена, ах, нехорошая. Почему он поступил именно так, а не иначе? Зачем напугал девушку? Разве она в чём-то виновата? Разве это похоже на его обыденность? То есть неужели есть хоть малейшая вероятность, что он так делал вчера или сделает завтра? Или, может быть, до этого инцидента ему слишком гладко дышалось? А теперь придётся расхлёбывать ещё и это. Сорвалось, да и всё, бывает — нахлынет и тут же отойдёт... да не тут-то было: клаксон бело-красной «газели» позади разбудил задремавшего перед светофором водителя легкового автомобиля, тот ответил

раздражённым сигналом и лениво тронулся с места. Очень кстати. Молодой человек обогнул искореженные каркасы автомобилей, которые с чудовищной силой впечатались друг в друга когда-то давным-давно, под ногами зашуршала стеклянная крошка.

Зря. Зря. Зря.

Должно быть, имели в виду Renaissance, но получился Rennessans. В каждом городе есть забегаловка с подобным именем: пельменная Estétik, рюмочная Cammil Fo. В мире нет силы, способной запретить их владельцам в вопросах коммерческой геральдики доходить до эсхатологического экстаза. Если бы не ошибка в названии, я бы, может, никогда не зашёл внутрь, но это наплевательское отношение к элементарным словарным догмам не смогло оставить меня равнодушным. Я ощутил кожей и волосами знакомое потрёпанное помещение, в основном даже волосами: посредственная атмосфера. Что за воля заставляет меня приходить сюда снова и снова?

Зря, зря, зря.

Сажу себе за стол, зарывшись лицом в руки, пытаюсь спастись в своём жизнедарующем оазисе темноты, где только изредка проносятся цветные пятна — что-то по недоразумению оставшееся от восприятия остального. Хотелось бы и от этого последнего избавиться; утро брало своё, о чём я догадывался по косвенным признакам. Каким? Забавно... но любопытство периодически подталкивает глаза рыскать в поисках неизбежных просветов в несовершенном убежище, противиться этому не так уж и просто. Да и незачем. Со стороны служебного помещения доносилось слабое позвякивание посуды. Кто здесь? Не натворить бы лишнего. Вот глаза наконец наткнулись

на щель — и опять ничего особенного: какие-то мертвенно-скучные разводы на невнятной шахматке пола; не помню, зачем поднял голову, наверное, чтобы убедиться, что тусклый свет лампочки и правда отдаёт какой-то тощей сухожелтизной; надо поскорей уйти отсюда, но выползть из угла не хочется — не потому, что здесь уютней, чем где-то, или меня никто не ждёт дома (есть ли у меня вообще дом?). Зашёл в уборную, умылся холодной, а когда опустил руки в сушилку, она не сработала.

Пахло точно уж не renaissance, вперемишку с арабикой угадывается какая-то пережжённая кислятина — перегар не выветрился после небольшого инцидента с проводкой прошлой осенью. К резким запахам быстро привыкаешь, тогда сквозь несвежее дыхание монументальных стен слышится тонкая нотка фосфорорганического инсектицида — последствия симптоматического лечения хронической болезни столетних зданий. Каждый последний понедельник месяца — санитарный день. Этот купаж всевозможных ароматов не знаком с понятием времени, в нём содержится одновременно и послойно вся насущность начиная с закладки фундамента, и никакой хлоркой — хоть литрами лей её в углы — его не вытравить, и никакими сандаловыми диффузорами его не замаскировать.

Заставить себя сразу же выйти на улицу не смог: окружающая обстановка способствовала, чтобы я снова спрятался в складках рукавов серо-зелёного шерстяного от сухожёлтого света лампочки, подвешенной без абажура (косметический ремонт вследствие всё того же инцидента) прямо под потолком, от тусклых багровых разводов сомнительного происхождения на полу, от этих заляпанных обоев под шёлк, криво наклеенных, от одинокой

полуофициантки-полукухарки. Девушка, кажется, не рада появлению столь раннего посетителя, и правда, с чего бы? Наверняка предпочитает дремать за стойкой; время от времени заглядывает в мой угол, таращась на меня отливом турецкой голубой краски любезно и немного вопросительно.

Новенькая. Но как это возможно? Я молчу и почти не смотрю на неё, и она уходит. Гордо подёрнутая головка на хрупкой шее в такт раскачивает собранными в хвост волосами. Под глазами, ускользающими то и дело от прямого контакта, стойкие мешки от скопившегося недосыпа; из косметики только тушь, застывшие в фарфоре губы слегка напряжены и как бы подтянуты, что сообщает об избыточной мыслительной активности — каждый свой шаг она будто пытается просчитать наперёд, оценить возможные последствия от действия и, кажется, тут же жалеет о подуманном. Выражение такое серьёзное, будто это невозможно — добиться от неё настоящей улыбки, лишь брови, слегка удивлённые и добродушные, препятствуют цельности сурового образа. И всё же она заставляет себя расплываться в, каждый раз, когда подливает мне фильтрованный кофе. У неё совсем не получается по-настоящему выражать удовольствие от процесса, либо же она не пытается скрыть свою неприязнь. Теряется, находится и снова теряется. Что она здесь забыла? Она же совершенно случайный человек. Так быть не должно — надо её спасти. Но как?

В мельчайших подробностях с этого ракурса мир начинает казаться слоёным тестом, и хоть наплыва особо положительных чувств это не вызывает, зато знатно красит моё времяпрепровождение. В таком состоянии я могу сконцентрироваться на исследовании стола, за которым сижу,

полностью погрузиться в созерцание хлебных крошек и брызг кетчупа, оставшихся ещё со вчерашнего вечера: вряд ли здесь кто-то побывал до меня сегодня. От безысходности я принимаюсь восстанавливать причинно-следственную связь, примечаю на поверхности стола несколько колотых ран, превращающих кетчуп в кровь.

— По карточке или наличными?

— По карте, — сказал, сделав акцент на телефоне в руке.

С улицы веяло прохладной сыростью; насколько бы точно эта отчётливая жжёная примесь в кофейном духе ни вписывалась в моё состояние, самое время было бежать — набросил пальто, напоследок оставил чаевые (через приложение), раскланялся, и всё, точка, ничего такого, не кусал Надежду за незакрытые бледные ноги, не швырял деньги. Домой, побыстрее оказаться дома.

2 the gridiron

И здесь человек отступил и убежал.
И звери съели его. Это не было
насилием, Он годился в пищу для
омерзительного пира.

*Антонен Арто.
Покончить с божьим судом*

Сковывающий страх не покидал девушку, не давал вздохнуть полной грудью: зачем взяла деньги? Теперь внутри всё застыло, будто в предвкушении приближающейся катастрофы; от рук не отвязывается дрожь; попыталась наметить принадлежность предметов по отношению к себе и себя по отношению к предметам: кружки разных мастей, шкафчики, кофейный рожок, кассовый аппарат, джиггер — всё это она видела будто впервые, вдруг звякнула микроволновка... чёрт... забыла совсем о круассане для престарелого мудака, надо же, и такое бывает, что с возрастом прибавляешь не мудрости, а пороков, и сразу налицо все мерзости, ай, обожглась, круассан совсем плох, надо бы погреть новый, да хрен с ним, заслужил, пусть подавится.

А тот парень: у неё не получалось восстановить его внешность; как бы она ни старалась мысленно свести отдельные детали в одно, попытки были обречены

на провал. Неочевидная асимметрия лица: один глаз был печальным и никак не подходил другому — нерасторопному, с лёгким налётом гордыни; ни вместе, ни по отдельности они не желали накладываться на каркас скул, тут же болтался абсолютно посторонний нос, отвлечёшься на секунду — и всё рассыпалось. И в то же время до происшествия она заключала о привлекательности: «С таким бы сходила попить кофе», да вот незадача — для этого ей не нужно никуда идти, она ведь сама варит кофе — столько, сколько душе угодно, лишь этим и занимается...

Вообще-то, лица Надя обычно фиксировала очень даже неплохо, здесь сказывалось её кратковременное (очередное) увлечение техникой фотокомбинированных портретов. Похожее на теперешнее чувство она испытывала, когда тренировки ради придумывала внешность на ходу: тысячи вариантов надбровных дуг, носов, подбородков под разными углами в разном свете роились под остриём карандаша, рука, не следуя за мысленным прототипом, решала сама в последнее мгновение, какую линию провести, — чаще всего в итоге рождалась комбинация, не поддающаяся анатомической логике.

По виду и не скажешь, что именно с ним не так, совершенно безобидный, даже немного располагал своей стеснительностью; от этого ещё страшнее — когда снаружи пустота, нерешительность и ещё эта принципиальная несводимость к целому. Ни следа топорной самоуверенности или же, напротив, обидчивой зажатости, допускающей в своей кульминационной стадии даже и насилие, — это довольно легко распознать и соскользнуть. Здесь другое:

чистой воды безумие. Лишь в момент нападения (могу ли я называть это «нападением»?) до этого бесцветные глаза его озарились вспышкой презрения и какого-то измощённого ужаса, и тут же за ними последовал затаённый стыд... (что это? мне показалось или ты уже близка к тому, чтобы простить его и пожалеть?) Непростая задача залезть такому человеку в голову и дальше — проникнуть в его мир, выстроить историю, понять, какие причины могли подтолкнуть к агрессии. Какой он в семье? Среди друзей? Есть ли у него вообще друзья, семья? Даже не пытайся в этом разобраться (в конце концов, всё равно окажется какая-нибудь местечковая чушь, пустая трата времени (очередная)), только попробуй; себя не ненавижу... подонок, знает, куда и как бить.

Посмотрела на круассан, на вафельное полотенце, которым держала раскалённую тарелку, да как швырнёт с размаху в потолок — круассан прилип к решётке вентиляции, тарелка вдребезги, сыплются осколки со звоном... импотент престарелый глаза вылупил, не знает, что и сказать, а сказать надо, девушка улыбнулась со всей злобой и, на ходу сбивая стулья, перечницы, салфетки, которые полночи поправляла, швырнула деньги на стойку, за моральный ущерб, так сказать, и направилась прямо как есть, в фирменном комбинезоне и фартуке, к выходу, напоследок сорвав ненавистные колокольчики... и плевать ей на того психа, что поджидает её, она не боится, напротив, хорошо бы встретить его да высказать как есть, надо же, себя не ненавидит! Всей душой! Ненавидеть себя — это самое ценное, что есть в её жизни, и это она не собирается отдавать без боя!

Не поджидает.

А что делать-то? Ну правда. В памяти всплыли многочисленные посты (в том числе и свои): в полицию не обратиться за отсутствием состава преступления, в итоге себе ещё окажешь медвежью. В подтверждение приводятся статистические данные, примеры из «личного» опыта, резонансные случаи, и не остаётся места сомнению — никто не воспримет тебя всерьёз.

Было дело...

Сидела скорее даже возмущённая, а напротив — с круглым носом и кривым ртом сержант (наверное) пялился, посмеивался и пожимал плечами: а чего ты, мол, сама-то хотела в таком-то наряде? «Визуально, может быть, и похоже на оригинальные бренды, но это разве Balenciaga? Подделкой пахнет за километр. Не смешите...» — а у самого рожа преисполнена довольством. При чём здесь какие-то бренды — недоумевала. При чём тут чёртовы бренды! Нет уж, чем сталкиваться с этим театром абсурда, куда проще подниматься и спускаться по лестнице, оглядываясь и ни на кого не рассчитывая, плюс очевидная польза для икроножных мышц.

Вдруг ждёт снаружи...

Нет, не ждёт.

Следом вспоминается шипение тех двоих из лифта, что насильно вытянули её из художественной (не)действительности: сами прилизанные до невозможности, с химзавивочкой, с мелированными кончиками, «кхе-кхе, вам бы стилиста нанять, девушка» — лезут, проверяют бирки, лапают грудь, «да ладно, чего препираешься, недоступная такая... а это что на тебе? Французский лифчик, да, конечно... шлюха, брыкается...» — тошнит, каждый будто по полфлакона парфюма на себя вылил, зажимают рот, в глаза бросается безупречность кутикул, а она думает: почему это происходит с ней?.. Нет, ну правда, почему? «Мы тебя сразу узнали, ты ж местная знаменитость...» И сил никаких нет сопротивляться, и лифт, как назло, едет целую вечность, отчего типичные подростковые непотребства на стенах превращаются в замысловатых скарабеев, ибисов, змей и уаждеты, невольно ищешь что-то важное, но натыкаешься лишь на горсть дохлых мух в матовом потолочном светильнике.

Можно ли было предвидеть, пресечь? Наде столько-то лет, она возвращается из художественного училища и не замечает ничего вокруг себя, вдохновлённая объёмом человеческого тела, ограниченного эфирными полосками тени от складок невесомого тюля на окнах зала, подобно изогипсам, констатирующим рельеф местности на топологических картах: дыхание оживляет каждую ложбинку, наделяя их неповторимой проницаемостью по отношению к свету, и хочется верить, что и Земля сама тоже жива и дышит в недоступном для нашего восприятия масштабе. Схватить графитом эту иллюзорную статику видится Наде

высшей целью существования; заворачивая в переулок, она безмятежно повторяет в воздухе движения кистью. Как ни в чём не бывало замечтавшаяся Надя заходит в подъезд, один из тех придерживает дверь, пропускает вперёд... думала, убьют или изнасилуют, но вместо этого лишь пригласили любезно пройти с ними, Надя любезно отказалась, затем предложили ещё более любезно доехать до её квартиры и провести ревизию гардероба «бесплатно» (!), снова отказалась, и, к её удивлению, они как ни в чём не бывало вышли раньше (на этаж раньше), осмеяв напоследок юбку из корейского льна; бросили в тесном, оплёванном лифте — со всей её нетронутой невинностью и смыслом существования. Сколько раз придётся теперь помыть руки, сцарапать кожу мочалкой, почистить зубы? Каждое утро по десять раз, каждый вечер по двадцать.

А дальше морда сержанта (наверное) маячит в воздухе, как навязчивая муха: «А откуда взяться составу... они ж, получается, ничего такого не сделали, так, пару шуток, пару комплиментов, что ж теперь, каждого второго джентльмена в тюрьму упекать, по-вашему? С одной стороны, конечно, надо бы, но места на всех не хватит, понимаете? Вы, девушка, не волнуйтесь и благодарите случай, что кавалеры такими галантными оказались и на вас не написали заявление, выпейте валерьяночки да спать ложитесь, потом с улыбкой будете вспоминать. Единственное, я бы посоветовал вам, так сказать, завести надёжного мужчину, чтоб лён был итальянским, бренды оригинальными, да и впредь одной в лифтах не ездить». — Смотрит как на ливер, мерзкое отродье, ещё хуже тех двоих, обидно до тянущей боли в животе... поскорее бы уйти домой... нет, теперь она точно никому ничего не расскажет.

Точка.

Отправить.

Запись опубликована.

В неправильном многоугольнике кафе «Ренесанс», как в темнице, заперта девушка в фартуке, смотрит печально на свои белые руки, на круассан и полотенце, думает заранее, как будет извиняться, подбирать осколки, вешать на место треклятые колокольчики, сомнения берут верх, неисправима... спрашивает себя искренне: насколько хватит сил? Ни насколько? Ну уж нет, от бубенцов она точно избежится, ничто не сможет помешать этому.

— Девушка, извините, вы не могли бы поторопиться с вазой, — хриплым голосом прервал Надину мысль мужчина преклонного возраста с обширной проседью в волосах.

— Да, конечно, простите за ожидание, вот ваза, ваш круассан... — говорит, а у самой руки уняться не могут, — сейчас принесу напиток...

— Будьте так любезны. — Из большого кармана своего пиджака он вытянул газету.

Обычный дядька к восьмидесяти, с газетой и в очках с довольно сильным увеличением, таким, что рыбы глаза расползаются чуть ли не до серых зарослей бровей, упёрся в газету и читает себе, немного откинувшись назад, чтобы строчки попали ровно в фокус. На лбу красуются пятна, кожа просвечивает, словно бумага столетней давности, а белоснежные пряди аккуратно прилизаны набок.

— Ваш кофе, — поставила, немного задержалась в ожидании чего-то, поправила фартук.

— Благодарю. Вы себя нехорошо чувствуете? Может быть, вам присесть? — предложил посетитель.

— Простите?

— Да вы не стесняйтесь, поберегли бы себя, Надежда. Никто не вменит вам в вину, если вы отдохнёте минутку-другую. Знаете, ваше прекрасное имя всегда казалось загадкой: семантическая ли это игра или просто сарказм? — Если присмотреться, можно заметить, как туловище старика сотрясает лёгкий тремор и он каждую секунду борется с ним. — Ах, не воспринимайте дряхлого человека всерьёз, мы без оглядки можем позволить себе витать в облаках. Я лишь хочу сказать: стоит ли так убиваться ради чего бы то ни было?

— Не знаю.

— Вы, наверное, ещё учитесь?

— Нет, бросила... — сказала, и впрямь присаживаясь за соседний столик, Надя.

— И давно?

— Две недели назад.

— Вы в этом уверены? Иногда время бежит быстрее, чем кажется. Какой, по-вашему, месяц на дворе?

— Июнь.

— Что ж, может, и июнь, я не против, — усмехнулся.

— Что вы хотите сказать?

— Шучу, милая.

В образовавшейся тишине, которую девушка смогла найти почти неловкой, мужчина не отрываясь смотрел ей в глаза сквозь свои окуляры, похожие на иллюминаторы субмарины капитана Немо, и даже как будто проникал сквозь радужную оболочку куда-то вглубь Нади. Она же присмотрелась повнимательней к его внешности: безупречная ткань, названия которой Надя с ходу вспомнить

не смогла, сидит идеально — сразу видно вещи, сшитые на заказ, не массмаркет; оправка очков старинная, как будто золотая; на большом пальце необычное кольцо в форме короны с полумесяцем.

— Какие необычные цветы, — сказала, чтобы как-то оправдать своё безделье.

— Букет собран на основе бледно-сиреневого клематиса и мордовника, в центре композиции — синеголовник.

— Красиво и пугающе.

— Да, верно. Я знал официантку, которая здесь работала до вас много-много лет, она была удивительным человеком, она обожала клематисы, — как-то мечтательно вздохнув, произнёс он. — Красиво и пугающе — точно так же и говорила.

— Бариста.

— Простите?

— Не официантка, а бариста.

— Как вам будет угодно, — поднял он ладоши, будто защищаясь. — Это место буквально держалось на ней: подчас мне казалось, что стоит ей выйти за порог, и старое здание тут же рухнет. А я вас точно нигде не мог видеть раньше?

— Возможно. У нас маленький город.

— И то верно. Закурю, вы не против? — не дождав-
шись ответа, старик церемонно достал из-за пазухи резную
трубку, плотно забитую табаком. Определив направление
Надиного взгляда, упавшего на пожарную сигнализацию, он
опередил её закономерное замечание. — Датчики выключены,
по крайней мере в данный момент.

Он щёлкнул пальцами, и красненькая точка — индикатор
работы датчика — погасла. Прокашлявшись, он

протянул трубку Наде. Лицо его при этом растянулось в неестественной блаженной улыбке до ушей. Надя не задумываясь затынулась земляной густотой с оттенками сушёного чернослива и тоже закашлялась так, что слёзы проступили снова.

— Вы что, никогда не курили?

— Никогда.

— И всё же очень-очень необычно видеть вас здесь. Вы даже представить себе не можете насколько!

— Почему же?

— Я вас не помню.

— И что в этом странного?

— Пока точно не знаю. Позвольте задать вопрос?

— Конечно.

— Может быть, вам известно, где она теперь — ваша предшественница? — при этом он сделался до жути серьёзным.

— Поэтому вы здесь? Из-за неё?

— Отчасти.

— Я не знаю.

— Жаль. Ваша щека, она красная. Вы ушиблись?

— Да.

— Хорошо, Надя, если мне кто-нибудь что-то передаст, впрочем, я не знаю, когда и кто именно, пообещайте дождаться меня, цветы оставьте себе, — сказал старик и, прежде выбив содержимое трубки прямо в кружку, из которой так ни разу и не отхлебнул, встал из-за стола и вышел в распадающиеся предрассветные сумерки.

— Не заплатил... — спустя пару минут заметила Надя. — Что за странное видение...

Газету оставил, к круассану не притронулся. Большими буквами на развороте заголовок: «Пожар в крупной

холдинговой компании начался на семнадцатом этаже и быстро охватил большую часть здания...» В помойку. И чего она на него так взъелась поначалу? Нормальный вроде дед, в смысле не совсем нормальный (вообще ненормальный), конечно, но... это всё из-за того парня... невольно хочется связать эти два события в одно. Но данных для этого вывода недостаточно: старик слеппен совершенно из другого теста — одет с иголочки, осанка, манеры, надменная простота, будто персонаж исторической постановки, но вот взгляд... вроде бы и такой же пустой, как у первого, но холодный и взвешивающий; пустота здесь лишь для прикрытия глубинных мотивов — такое аффективное голодание. С другой стороны, зачем он спросил, был ли здесь кто-нибудь до него? Он что, заранее знал ответ и, выходит, искал молодого? А сама Надя? Да уж. Как ни отвлекай себя глупыми размышлениями, а всё ещё страшно, вдруг ждёт...

888

Не ждёт.

888

Множество мыслей скопом проносились в её голове, каждую секунду они, повинувшись законам скорее космическим, нежели человеческим, складывались то в одну картину происходящего, то в другую и в тот же миг рассыпались. Эти неожиданные проблески порядка вроде бы и пробуждали в недрах её души забытый детский энтузиазм, но параллельно обостряли бессилие, которое навязывалось откуда-то извне.

По инерции схватилась за телефон: сеть слабая, но есть, страницы не обновляются. Много ли она упускает из виду, отвлекаясь на инфантильные мечты? Надя подошла к окну в надежде получить какой-нибудь знак ну или хотя бы убедиться, что туман редет, но ничего. Лишь какая-то лазурная птичка бесшумно вспорхнула с подоконника и растворилась в сумерках.

Сколько же времени прошло на самом деле? Две недели или два года? Сколько она уже здесь прозябает? Чувство такое, будто подобных ночных смен в совершенно пустом помещении она провела уже тысячу или даже десять тысяч. А посетителей (каких бы то ни было) она встретила здесь впервые.

Что её разбудило? Вдруг в поле зрения с приглушённым цоканьем острых каблучков влетела девушка, активно толкая перед собой детскую коляску на больших узеньких колёсах с многочисленными спицами. Надя удивлённо проводила её взглядом: растрёпанный хвост, вчерашний макияж, чуть поплывший, длинная сигаретка дымится в пальцах.

Что она почувствовала? Резонирующее волнение охватило Надю, с этим подобием страха внутри она подкралась к столику, за которым ранее сидел молодой человек. Только теперь ей бросился в глаза символ, грубо выцарапанный на деревянной лакированной поверхности. Возможно, он был здесь и до.

Что было дальше? Надя уже готова была присесть, чтобы получше изучить рисунок, как вдруг замерла: на стуле покоился толстый конверт формата А4, ранее от испуга не замеченный ею.

— Конверт! — Надя сорвалась как с цепи, выбежала в туманный полумрак, крикнула, но звук её голоса удавился в непроницаемой вате. Несколько раз она обернулась вокруг своей оси: фасады старинных домов напротив разглядеть было невозможно, дрожащими очертаниями их образ беспомощно болтался в памяти, укутанный в полупрозрачный саван. Слева от (только не) её кафешки под зелёным крестом сияла вывеска аптеки, украшенная кадудеем, а справа — неоном очерченная дверь в магазин маскарадных костюмов. (Пожалуйста, не) её пристанище, утопленное на пару ступеней относительно уровня тротуара, сообщало о себе размытым близорукостью золотистым свечением в манящей глубине печи, а узкие створки окон напоминали обожжённую чугунную решётку. Еле заметно печная пасть вместе с тлеющими в недрах углями будто бы качнулась с характерным треском. И с чего это в июне такой туман? Вся жизнь уплывает куда-то прочь, к тому же сыро, солнцу уж пора бы начать пробиваться сквозь жемчужную мглу, но пока та повелевала пространством, не разобрать даже, где восток. — Чёрт!

Успевшая озябнуть Надя сделала пару шагов по направлению к. Ах, рука так и чешется перевернуть приглашающую табличку «Открыто», исправив тем самым лицемерное недоразумение: она-то явно никого не желает видеть. «Coffee to go». Сдержалась в болезненной нерешительности, зашла, побежала скорее на кухню, да вот незадача — по пути задела мизинцем ножку стола и чуть было вместе с ним же не полетела на пол. Выругалась на чём свет стоит, резко поднялась и перевернула-таки поганую вывеску — и только после этого разревелась.

Конверт был запечатан сургучной печатью — знак привлёк её внимание: обведённая восьмиконечная звезда с кружком посередине — такой же был выцарапан и на столе. Вероятно, конверт предназначался старику. Что там может быть? Открывать? Не открывать? Компромат? Сибирская язва? Какие-то древние тайны? Увесистый: под сотню листов. И кем они друг другу приходятся? Это, в общем-то, не столь важно. Почему он решился на этот театральный жест? Зачем он схватил меня за руку? Открывать? Не открывать? Он забыл конверт или специально оставил, чтобы я его нашла? По-другому и быть не может. Старик, помнится, упоминал предыдущую бариста, намеренно сместил акцент на неё? Какую роль она может играть в этой истории? Открывать? Не открывать? С ней что-то случилось? Возможно, ответы здесь...

Надя, от волнения зажмурив глаза, надорвала конверт. Внутри, как она и предполагала, обнаружилась не сибирская язва и не гексоген, а приличная стопка бумаг различного формата; часть листов была сильно смята, какие-то даже опалены, разорваны на части и склеены скотчем. На титульнике — литографическая печать — солнце и луна в витиеватом обрамлении. Надя судорожным жестом надела очки и бегло пробежалась глазами по первым попавшимся страницам. Какие-то схемы, вырезки из статей, чеки, рисунки (часть их на нотном стане), заметки с датами, четверостишия на неопределимом языке. Что это, отчёты или дневник? Или репортажи? Схемы, графики, реплики как в пьесах, иероглифы. Стенограммы допросов? Так с ходу и не поймёшь. Почерк корявенький, но глазу приятный. Интересно, сам ли он написал это? Или, может, он лишь посредник, курьер? Остановилась на одной:

СЛУЖЕБНЫЙ ОТЧЁТ

Мои глаза переехали брикеты вагонов, потом скользнули за спиной или за угол — я не так хорошо разбираюсь в евклидовой геометрии и, кажется, только выигрываю от этого. Приду домой, распакую коробку и, обнаружив смятый головной убор, в бешенстве начну названивать случайным людям: верните мою шляпу, сукины дети, забудем о содержании, верните хотя бы форму, шляпа тут ни при чём, она лишь случайный зритель моих эгоистичных стремлений, меня зовут так-то и так-то... где я её взял? Я получил её от шарманщика, одного из тех, что торгуют безделушками на набережных, мощённых крупным красным булыжником. Я вовсе в ней не нуждался, но по стечению обстоятельств она пошла в счёт его многомиллионного долга перед Вами. Шарманщика, само собой, больше нет в живых, я не помню, как именно это случилось, мне почему-то кажется, будто он утонул.

Стоял чудесный южный день, и облака не до конца схватившимися цинковыми белилами сияли на густой лазури неба. Он так хохотал, что не удержал равновесия и свалился за борт. Но, конечно, такого не бывает в жизни: смеясь, люди не выпадают за борт, особенно в такую прекрасную погоду. По солнцепёку я шагал себе по дощатой палубе туда-сюда с коробкой в руках — такой презентабельной и красивой, а он, булькая, даже не пытался позвать на помощь, к тому же на палубе, к несчастью для

него, был только я. В сиесту никто не решался высунуть носа из бара, предпочитая аперитивы морским пейзажам.

Затем, как и полагается, я потопил пароход. Лично наблюдал за тем, как он складывался карточным домиком и отправлялся ко дну. На всякий случай я закопал море, присыпал его хвоей и прошлогодними листьями. Не скажу, что это мне даётся просто.

Никогда половинчатость не доводила до добра. Чтобы соответствовать шляпе, придётся раскошелиться на пальто из верблюжьей шерсти в магазинчике, одном из миллионов на берегу, звавшемся когда-то Лазурным. Я кое-что уже присмотрел. Одна беда: здесь слишком жарко, постоянно что-то тлеет. На что мне, спрашивается, пальто в разрушенном мире? Перед кем щеголять среди руин, полчищ крыс и одичавших собак?

Сподручнее верблюду пройти сквозь игольные уши...

Я хочу кофе. Это не помутнение рассудка, это простое честное желание попить кофе. Но как бы я ни отвлекал себя разной чепухой, я прекрасно знаю, что впереди меня ждёт лишь пепел.

— Ага, понятно, — разочарованно выдохнула Надя. — Ни тебе тайн, ни тебе карты сокровищ...

Им рассказывали про подобные случаи на лекциях: типичное компульсивное творчество; в отличие от косной речи, мысли шизофреников щедро растекаются в безумии на письме, в качестве примера одержимости на парах им приводили аналогичные записи, которые с распространением интернета в большинстве своём перекачивали в соцсети. И таких листов добрая сотня. Значит, Стужин... порождение воспалённого воображения. Это